

Син Кёнсук

Глубокая печаль

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44
С38

깊은 슬픔 (Deep Sorrow)
by 신경숙 (Shin Kyung-Sook)

Печатается с разрешения KL management
Russian edition published by arrangement with KL management

Син Кёнсук.
С38 Глубокая печаль / Син Кёнсук ; [перевод с корейского
Д. И. Капарушкиной]. — Москва : Издательство АСТ,
2025. — 576 с. — (К-фикшен).

ISBN 978-5-17-162723-2

Три судьбы, три голоса, три жизни — двоих мужчин и одной женщины, — которые пересекаются и расходятся в потоке времени.

Эта история — путешествие в лабиринты человеческой души, где тишина говорит громче слов, воспоминания становятся призраками, а забытые обещания — тенями, преследующими в ночи. Что заставляет снова и снова возвращаться к прошлому, которое приносит только боль? Как далеко можно убежать от воспоминаний, если они живут внутри нас? Здесь нет простых ответов — лишь понимание, что некоторые истории никогда не заканчиваются, а просто перерастают в глубокую печаль.

Син Кёнсук — одна из наиболее влиятельных современных писательниц Южной Кореи, лауреат множества литературных премий. В 2012 году она стала первой женщиной, получившей Man Asian Literary Prize (так называемый Азиатский Букер) за роман «Пожалуйста, позаботься о маме». Ее творчество известно глубоким проникновением в психологию персонажей и мастерским описанием человеческих эмоций.

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-17-162723-2

Copyright © 1994 by Shin Kyung-Sook
All rights reserved.
© Капарушкина Д. И. (Чанг Диана),
перевод на русский язык, 2025
© ООО «Издательство АСТ»,
издание на русском языке, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	6
ВЕСНА	13
Раздавленный гранат	15
Весь день в ожидании	36
Ису, ты спишь?	58
ЛЕТО	91
Любовная грусть	93
Воспоминания	141
Любишь ли ты меня?	194
Две горлицы	228
ОСЕНЬ	247
Год спустя — сентябрь	249
Когда возвращается лосось	286
Я снова встречаюсь с ним	317
Разлад	355
ЗИМА	395
Разбитая цветочная ваза	397
Сестра, ты спишь?	417
Всему причиной снегопад	473
Лучше б мне вовсе не рождаться	502
ВНОВЬ ВЕСНА	529
Простите меня	531
Без света мне не видно твоего лица...	545
Эпилог	565

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

*Хочу искренне поблагодарить мою маму,
которая не раз перечитывала перевод,
и мою семью за неизменную поддержку.
Отдельная благодарность вам,
читатели, за смелость окунуться
в непростой мир этого романа.*

Есть книги, которые невозможно забыть, к которым хочется возвращаться снова и снова. «Глубокая печаль» Син Кёнсук — одна из них.

Этот роман — тихий, но неумолимый прилив боли, который накатывает волнами. История любви Ынсо, Вана и Сэ — героев, связанных узами судьбы, — раскрывает одиночество, боль безответного чувства и неосуществленные надежды. Син Кёнсук будто извлекает из души своих героев все, что только может испытать человек, и переносит это на страницы книги.

Название «Глубокая печаль» отражает саму суть романа: он не о ветвях и листве, а о корнях существования главной героини. Ее любовь — это печаль. Если бы печаль Ынсо была подобна смене времен года, если бы в ее душе за зимой неизменно приходила весна, история сложилась бы иначе.

Искренне надеюсь, что книга оставит след в душе каждого. Молодым читателям она поможет пережить внутренние метания, выдержать удары судьбы и научиться замечать любовь, которая всегда рядом. Тем, кто уже многое испытал, роман откроется иначе — глубже, пронзительнее, потому что, пройдя через испытания, они взяли книгу в руки и поняли ее суть.

*С уважением к автору,
героям и вам, дорогие читатели,
Диана Чанг*

Всматриваюсь в улицы при первых
признаках рассвета.
Деревья, здания, асфальт.
Мчится выскочивший из туннеля
автомобиль, бледные ртутные лампы...
Терпеливо пережидая ночь.
Думаю о твоих пронзающих душу глазах.
Ушла ли в море та черепашка, которую
мы отпустили однажды?
Хочу, чтобы она снова приплыла сквозь
вереницу бессонных дней и закрыла мне глаза.
Ты сейчас спишь. А я вот нет.
Идут изнуряющие дни. Как же мне
повезло, что на этом свете есть ты.

...Посвящаю тем, кто любил,
но у кого не сбылись мечты

ПРОЛОГ

Я хочу написать об одной женщине. О женщине, которая иногда плачет, задаваясь вопросом: зачем жить, если любовь невозможна? Назову ее Ынсо.

С какого же времени я начала вынашивать и возвращать эту женщину в себе?

Поначалу она имела лишь смутные очертания, и я думала, что она будет только иногда проплывать мимо меня или ранней весной, или в дождливую октябрьскую погоду, но постепенно эта женщина заполнила мою душу целиком, не давая ни минуты покоя. Однажды я увидела, как она проснулась в своей комнате посреди ночи от мучительного волнения. За окном, занавешенным шторами, шел холодный дождь. Женщина протянула руку, достала с полки сборник стихов, раскрыла его. Той ночью она читала стихотворение поэтессы Чо Ын «Сейчас дождь...»:

Прошу тебя, встретимся на краю пропасти.

Прошу тебя, улыбнись мне там и как в последний

*раз пожми мою руку. Тогда, может быть,
я выжму кровь косули и дам ее испить тебе*.
Ах! Это чудо,
Что на моем пути, на котором я пою эту песню,
Сейчас идет дождь...*

Застыв на месте, она прислушалась к звуку дождя, закрыла томик стихов, а потом прошла на кухню, залила холодной водой рис, перемешала его и начала громко есть. Но вдруг, совершенно ослабев, опустила руку с ложкой, словно что-то застряло у нее в гортани. Именно в тот момент я и увидела женщину при комнатном свете в отражении окна. Вот бы вернуть ее в прошлое, вновь показать дом, в котором ей захочется жить. Эта женщина — сначала я думала, что она ничего не значит для меня, — все же сумела свить гнездо в моем сердце, и я вновь и вновь возвращаюсь в мыслях к ней.

Что разбудило ее посреди ночи и заставило читать стихи, что побудило есть рис в холодной воде?

Любовь...

Эта женщина считала, что любовь и только любовь является неподвластной нам и непреодолимой силой. Неподвластная сила... Насколько же она тогда непреодолима? Это то, что не под силу человеку, то, что невозможно запретить общественными нормами, то, куда не может вторгнуться политическая власть. То самое, что заставляет петь всеми фибрами нашей души. Прекрасная свобода.

* Выражение «напоить кровью косули» означает дать надежду разочарованному человеку, подарить жизнь погибающему. — Здесь и далее примечания переводчика.

Становимся ли мы сильнее, когда чувствуем на себе ее воздействие, разрушающее установленные нормы, которые мы обещали друг другу соблюдать? Или, наоборот, любовь делает нас слабее?

Словно поспорив сама с собой, я решила проверить это и украдкой стала наблюдать за душевными муками женщины.

Именно сила любви не позволяла моей героине отказаться от своего существования. И, кто знает, уничтожит ли это великое чувство моя скромная попытка описать его на словах. Я лишь писала о ней, не испытывая чувства по-настоящему, — так я пыталась хотя бы на шаг приблизиться к ней. Нет, даже не так. Это была всего лишь жалкая попытка. Я не сумела понять то, что казалось таким ясным, как прозрачная вода. Оно осталось для меня недоступным, поэтому я восхищаюсь теми, кто проникает в глубины жизни, чего бы им это ни стоило.

Та женщина, какими-то судьбами оказавшаяся на обочине жизни, увидела любовь, но только со спины, и, увы, стала ее пленницей.

Иногда незнакомка, живущая во мне, что-то шьет. А я сижу рядом и... Да-да, давайте поговорим о ее шее, об этой простой, скрывающей грусть линии, в которой я иногда вижу будущее человека. Этот изгиб становится центральным в силуэте человека со спины.

Кто знает, может, когда эта женщина склоняет голову в одиночестве, и ее судьба делает это вместе с ней. А когда поднимает, то и судьба воспаляет ввысь. В полутьме снова и снова линия шеи вытягивается, может, так незнакомка хочет, что-

бы и жизнь ее озарилась светом? А что происходит между моментом склонения и поднятия головы? Между наступлением и отступлением, и что активнее и действеннее из них? Кажется, вот-вот счастье станет твоим, но упускаешь его. Кажется, что ты можешь сделать шаг вперед, но отступаешь. Как же это утомительно! Пальцем я вырисовываю линию шеи этой женщины.

Линия шеи своей четкостью и изяществом похожа на птицу, парящую птицу. Ее полет прекрасен. Но почему же эта красота вызывает тревожное чувство? Почему все красивое так непостоянно? И тут мне показалось, что похожая на птицу линия шеи, позабыв, что соединяет голову с телом, вот-вот взлетит. Но что произойдет, если так и случится? Моя героиня сейчас варит рис, скоро она вытрет руки, и, мне кажется, четкая линия ее длинной шеи сразу вытянется.

Людей привлекает такой изгиб, они с замиранием сердца заглядываются на женщину с такой изящной линией шеи. Но все дело в том, что эта линия им видна только со спины. Сколько бы они ни смотрели, затаив дыхание, на незнакомку, они будут видеть ее только со спины, стоя позади. И в таком положении будут протекать любовные отношения людей, смотрящих в разные стороны. А ведь любовь, следуя наклону шеи, направляет жизнь этой женщины. Вот так она иногда видится мне.

Но есть и здоровая, элегантно возвышающаяся линия, которая вырисовывает плавный силуэт горного хребта, подножие которого устлано мягким пухом. Женщина с такой линией шеи, когда солнце

начинает садиться, берет корзинку и идет на рынок за свежими листьями салата, а потом перебирает сочный сельдерей. На кухонной полке у нее рядом стоят баночки со специями: семя молотого кунжута и молотый чеснок. Она тонко нарезает зеленый лук — и все это так живо и прекрасно. На рисовой воде женщина приготовит еще и омлет, замешанный на соленой икре минтая. А когда солнце сядет, она, счастливая, с раскрасневшимся лицом от всевозможных дел, включит в гостиной свет, и сквозь шторы в самых дальних переулках будет еще долго слышен ее радостный смех.

Когда мы вынуждены влачить свое жалкое существование, не значит ли это, что мы попросту убиваем время? Да и само существование, в какой-то степени, не фатально ли? Мы ведь не выбираем, в какой стране, у каких родителей родиться, мы не можем жить так, как хочется, — нам как будто все время кто-то диктует эту жизнь.

Так и я, возвращая свою героиню, очень хотела, чтобы она выдержала такое существование и выжила. Но вот однажды увидела, как она пришивала пуговицу к блузке. Увидела ее склоненную шею, разглядела текущий под белой кожей внутренний мир — мир беспощадного разрушения, который неподвластен ей самой.

Если бы только она не погрузилась с головой в эту непреодолимую силу, если бы только знала, как надо совмещать безразличие и привязанность, она смогла бы все это пережить. Но, видимо, этой женщине, родившейся с печатью грусти на изгибе шеи, не суждено обмануть судьбу.

Наблюдая за временем, которое, раскинув свои сети, витало, словно горячий, душный воздух над существованием моей героини, я проснулась однажды на рассвете, взяла томик стихов чернокожего поэта Ленгстона Хьюза и прочитала стихотворение, написанное в джазовом стиле:

*Спускался ли ты когда-нибудь к реке
В два часа ночи один?
Сидел ли у реки,
Переживая, что тебя бросили?*

*Думал ли ты когда-нибудь о своей матери?
Об умершей матери? Бог да благословит ее!
Думал ли ты когда-нибудь о своей девушке
И желал ли, чтобы она не рождалась на свет?*

*Спускаюсь я к реке Гарлем:
В два часа,
Ночью,
Один.
О, Боже, дай мне только умереть!*

Но будет ли кто грустить обо мне, когда я умру?

Когда я пишу о той женщине, на глаза наворачиваются слезы, потому что мне кажется, что она вот-вот исчезнет в водовороте непреодолимой силы. В такие минуты я думаю о тех двух стихах, которые прочла она, которые вслед за ней прочла и я. Ведь все проходит, и время переживаний тоже, после чего на душе становится намного легче. Даже только что

совершенный грех, став воспоминанием, значительно облегчает нашу жизнь.

Почему же у меня вырвалось только это: «Встретимся на краю пропасти»? Почему только на краю пропасти захотелось выжать кровь косули и наполнить ею твои уста? На душе еще остался грех, который до сих пор не исчез в воспоминаниях. А кто знает, может, сейчас тот человек где-нибудь сожалеет о моем появлении на свет.

Тут я подняла голову: передо мной лежали тетрадь и ручка...

BECHA

Порой кажется, что
если бы мы только умели ждать,
то смогли познать уже полжизни.
Мы с самого рождения чего-то ждем.

Чтобы получить что-то,
мы готовы ждать вплоть до самой
своей смерти.

Когда кто-то покидает нас, мы ждем
его возвращения.

Сегодня ждем завтра, а когда упадем,
ждем, когда встанем.

А я жду тебя.

РАЗДАВЛЕННЫЙ ГРАНАТ

Ынсо мыла запачканные раздавленным гранатом ноги, от которых исходил сладковатый аромат. Она с удовольствием его вдыхала, и тут в дверь постучали...

Она выключила в комнате свет и легла в кровать, рассчитывая заснуть, постоянно ворочалась с бока на бок, но вместо ожидаемого сна пришла головная боль. Ынсо встала, в темноте подошла к проигрывателю с лежащей там пластинкой, и включила. С обеда без перерыва она слушала Бетховена, сонату для фортепиано № 17 ре минор «Буря» в исполнении Альфреда Бренделя. Эта мелодия должна будет звучать завтра по радио.

Измучив себя в ожидании Вана, еще до рассвета Ынсо за короткий промежуток времени, совершенно незаметно для себя и вовсе не имея привычки делать что-то заранее, вдруг написала в раздел «Музыкальная прогулка» такую статью о сонате Бетховена «Буря»:

«История названия сонаты для фортепиано № 17 ре минор.